

**Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ  
КАК ПРЕДМЕТ ГЕРМЕНЕВТИКИ М. М. БАХТИНА**

**В. С. Маковцев**

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*

Поступила в редакцию 11 января 2022 г.

**Аннотация:** в настоящей статье автором разворачивается герменевтика М. М. Бахтина, понимаемая как результат обращения русского философа к творчеству Достоевского. При этом «Книга о Достоевском», являющаяся центральной в творчестве Бахтина, раскрывается в полной мере в своем содержании в контексте всего наследия Бахтина. Такое понимание позволяет говорить о целостном философском содержании наследия М. М. Бахтина, а также намечает пути для концептуализации «полифонической герменевтики», выступающей специфическим методом отечественного мыслителя, построившего свою философию на фундаменте литературы.

**Ключевые слова:** М. М. Бахтин, Ф. М. Достоевский, история русской философии, философская герменевтика.

**Abstract:** in this article, the author develops M. M. Bakhtin's hermeneutics, understood as the result of the Russian philosopher's appeal to the works of Dostoevsky. At the same time, the «Book about Dostoevsky», which is central to Bakhtin's work, is fully revealed in its content in the context of Bakhtin's entire legacy. This understanding allows us to talk about the holistic philosophical content of M. M. Bakhtin's legacy, and also outlines ways to conceptualize «polyphonic hermeneutics», which is a specific method of the Russian thinker who built his philosophy on the foundation of literature.

**Key words:** M. M. Bakhtin, F. M. Dostoevsky, history of Russian philosophy, philosophical hermeneutics.

Одной из характерных особенностей русской философии является ее связь с литературой, проявившейся «в творчестве великих художников слова: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева и др. Крупные писатели России, – как отмечает М. А. Маслин, – так же, как в Германии, Франции, Польше и других европейских странах, становились духовными ориентирами нации, выразителями национального самосознания» [1, с. 195]. Исключительно литературоведческий, научный анализ такой литературы невозможен без явных попыток сузить предмет, подчинив его рассудочной форме. Поэтому, кроме научной компетенции и глубокого знания материала, исследователю художественной литературы необходимо обладать философской смелостью, гибкой интуицией, связанной с острым чувством доверия к собственному слову. Одной из ярких фигур, в творчестве которого изучение художественной литературы выходит за пределы исключительно литературоведческого анализа, становясь при этом отдельным феноменом

в мировом интеллектуальном пространстве, является М. М. Бахтин. Философия – это мышление на пределе, мышление, устремленное к границам своего события в необходимости быть предметом своего осмысления. Границы же задают конкретность и определенность события, смыкая его в предметности мышления. По отношению к Бахтину это применимо вне всякого сомнения, и наша цель – показать, что предметом его философского мышления является творчество Ф. М. Достоевского как результат особой герменевтической практики прочтения текста, отразившейся в формировании «полифонической герменевтики», – понятие, которое имплицитно разворачивается в нашем тексте.

Михаил Бахтин вошел в интеллектуальное пространство как автор работы «Проблемы творчества Достоевского», изданной в 1929 г., дополненной и переизданной в 1963 г., когда его, почти забытого интеллектуала, находит группа московских филологов в Саранске. Книга о Достоевском не единственное большое по содержанию сочинение, – рядом с ней стоит «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», опубликованная в 1965 г., работа над которой, ставшей одновременно и диссертацией Бахтина, продолжалась с 1940-х гг. Однако именно книга о Достоевском привлекла к себе большое внимание. Формально это объясняется тем, что на протяжении долгого времени Бахтин был автором этой единственной книги. За год до издания книги, в 1928 г., Бахтин, как один из участников религиозной организации «Воскресенье», признанной антисоветской и несущей контрреволюционную угрозу, был арестован. Летом же 1929 г. был вынесен приговор в виде заключения в лагерь на пять лет. Из-за болезни Бахтина и не без влияния сочувствующих людей в феврале 1930 г. заключение заменили ссылкой в г. Кустанай для отбывания оставшегося срока наказания. Уже в одном этом несложно найти переключку судеб Бахтина и Достоевского: оба были арестованы, обоим пришлось пробиваться от забвения к всемирной славе: Достоевский – один из самых читаемых русских писателей в мире; Бахтин – едва ли не единственный русский мыслитель, имеющий мировое признание. Наследие Бахтина переводят и издают за рубежом, проводятся международные конференции, создаются сообщества, посвященные изучению его творчества. Однако влияние Достоевского на Бахтина не ограничивается одной лишь этой книгой. Учитывая нелинейный характер творчества Бахтина, внутреннюю полифоничность идей, творчество Бахтина как целое может быть прочитано в контексте интерпретации философского осмысления наследия Достоевского. «Проблемы поэтики Достоевского» является центральной и высшей точкой в наследии Бахтина, в которой в явной или скрытой форме сосредоточены ключевые философские и научные идеи мыслителя. Подобная позиция позволяет говорить о наследии Бахтина как о особом опыте прочтения Достоевского, а также об особой герменевтике Бахтина, высвечивающей на фоне проблем творчества Достоевского проблемы философско-антропологические, общечеловеческие.

Книга о Достоевском со своим содержанием и идеями построена не на пустом месте. С конца XIX в. и на протяжении первых десятилетий

творчество Ф. М. Достоевского привлекало к себе внимание почти всех крупных русских мыслителей. Как отмечает А. Г. Гачева, «сознавая, а подчас декларируя свое генетическое родство с Достоевским, мыслители России писали о нем как о художнике-философе и рассматривали его творчество как захватывающую драму философских идей» [2, с. 20], позволяя говорить о Достоевском как об одной из центральных фигур и в то же время как об одной из главных тем русской мысли. Книга Бахтина, написанная, по свидетельству С. Н. Бройтмана, за 4–5 лет до опубликования [3, с. 281], стала «книгой-памятником постсимволистского понимания Достоевского на фоне его понимания в символизме (прежде всего Ивановым)» [4, с. 517] и вместе с тем качественно новым словом в контексте обилия работ, посвященных Достоевскому в первые десятилетия XX в. По преимуществу большинство работ о Достоевском до Бахтина «было объектом узко-идеологического подхода и освещения» [5, с. 7], а литературоведческие, хотя и подходили близко к пониманию полифоничности стиля Достоевского, усматривали в нем сочетание разнородных стилевых приемов, не делая из этого соответствующих выводов. В данном контексте речь идет прежде всего о Л. Гроссмани и его «Поэтике Достоевского», написанной в те же годы, что и сочинение Бахтина. Подобно тому, как и позже, работая над книгой о Рабле, Бахтин избежал общих мест, в том числе биографического характера, поскольку, по утверждению самого мыслителя, «в этой области было сделано очень многое», и он «выступил бы здесь как компилятор» [6, с. 220], так и в книге о Достоевском Бахтин обошел стороной как биографию писателя, так и ряд общих философских тем. Кроме того, работы, посвященные Достоевскому до Бахтина, по преимуществу, представляют собой попытки разгадать «тайну» Достоевского, разгадать так, как если бы сам Достоевский оказался в ряду вечных вопросов наряду с вопросами о существовании Бога, вопросами о добре и зле, истине и правде. На эту особенность, в которой оказалась мысль о Достоевском, обращает и Бахтин. Говоря при этом словами Б. М. Энгельгардта, что большая часть литературы о Достоевском «не подымается над духовным уровнем его любимых героев. Не она господствует над предстоящим материалом, но материал целиком владеет ею» [7, с. 71]. Подобное отношение при качественном воплощении обладает своими преимуществами, но у него нет главного, нет преодоления «достоевщины». Что мы можем наблюдать у Бахтина, попытавшегося впервые схватить феномен Достоевского в его целостности с глубиной философского постижения. Тем не менее Бахтин, как подлинный философ, впитал в себя всё предшествующее ему о Достоевском, следы чего в той или иной форме мы можем найти у его предшественников. Скажем, Вяч. Иванов разворачивает понимание специфики Достоевского в контексте развития литературы; говорит о музыкальности Достоевского: «подобно творцу симфоний, он использовал его механизм для архитектоники трагедии и применил к роману метод, соответствующий тематическому и контрапунктическому развитию в музыке, – развитию, излучинами и превращениями которого композитор приводит нас к вос-

приятию и психологическому переживанию целого произведения как некоего единства» [8, с. 410], что, вне всякого сомнения, могло послужить толчком для теории полифонического романа у Бахтина. Сравнение с музыкой, как это подчеркивал сам Бахтин, конечно, условно, но, тем не менее, предельно наглядно. И, конечно, Иванов подходит вплотную к тому, что в творчестве Достоевского утверждается существование личности, делая акцент на понятии «проникновения», противопоставляя его «познанию»: «проникновение есть некий *transcensus* субъекта, такое его состояние, при котором возможным становится воспринимать чужое я не как объект, а как другой субъект» [там же, с. 419]. Из этого еще не построить философии Другого, как мы это найдем у Бахтина, равно как нельзя свести исток философии последнего только к творчеству Вяч. Иванова, но очевидная переключка идей позволяет говорить об их преемственности, выстраивая тем самым логику мысли о Достоевском в отечественном интеллектуальном пространстве, вершиной которой, по нашему мнению, является Бахтин и именно в силу своего кумулятивно-го анализа предшествующих идей.

Как было замечено выше, влияние творчества Достоевского на мысль Бахтина не ограничивается только созданной им «Проблемы творчества Достоевского» с последующей редакцией спустя тридцать лет. Поскольку книга о Достоевском – центральная и высшая точка наследия Бахтина, подчиняющая себе все основные темы его творчества, можно без ложной смелости утверждать об особом влиянии Достоевского на творчество Бахтина. Всё творчество Бахтина в его основных интеллектуальных сюжетах является философским прочтением Достоевского, возможного только при наличии особой герменевтики и интеллектуальной смелости Бахтина. Заявление может показаться резким и, конечно, спорным, как и любое предположение, однако у этого есть все основания.

Полифонический роман Достоевского, открытый Бахтиным, – открытие, имеющее само по себе отдельную историю в рамках истории идей, поскольку интенции по направлению к этому в гуманитарной мысли уже были, о чем говорит и сам Бахтин в начале книги, перечисляя идеи предшественников, – это наивысшая точка развития романного жанра. Сам же роман, по мысли Бахтина, в его стилистическом единстве является по преимуществу порождением культурной среды эпохи. «Роман как словесное целое – это многостильное, разноречивое, разноголосое явление. Исследователь сталкивается в нем с несколькими разнородными стилистическими единствами, лежащими иногда в разных языковых планах и подчиняющимися разным стилистическим закономерностям» [9, с. 14]. В этом отношении Бахтин целиком понимает текст в рамках классической герменевтики, понимающей не только текст как целое, состоящее из содержания, являющегося его частью, но и как часть, при котором целым, в рамках которого разворачивается событие текста, выступает мировая культура. Роман же как литературный жанр, по мысли Бахтина, – это вершина художественно-литературного слова. Творчество же Достоевского – с его полифонической структурой – является

вершиной развития романного жанра. Как отмечает Н. Я. Берковский, «Бахтин объясняет “полифоничность” романов Достоевского полифоничностью культуры и общественности и т. д.» [10, с. 186]. Полифония же в данном случае возможна как вариация диалогизма, его частным, литературоведческим случаем. Одной из частей полифонического романа, как пишет Ю. Кристева, является «карнавальная структура» [11, с. 222], более подробно разрабатываемая Бахтиным в книге о Рабле. Это важно отметить, подчеркнув единство бахтинской мысли, его внутренней логики развития идей, выходящей за пределы конкретных текстов, но развивающихся в их единстве.

Диалогизм Бахтина концептуально утверждается в книге о Достоевском, однако идеи диалогизма прослеживаются на всём творчестве Бахтина. Почти сразу по завершении книги о Достоевском Бахтин приступает к теории романа, и одно из ключевых произведений этой темы «Слово в романе» – следствие одной из центральных тем книги о Достоевском – слово у Достоевского. Говоря о философии слова, Бахтин подчеркивает, что «слово рождается в диалоге, как его живая реплика, формируется в диалогическом взаимодействии с чужим словом в предмете» [9, с. 33], при этом уже без оглядки на творчество Достоевского. Здесь структурно и функционально слово почти тождественно личности, в устах которой слово обретает и свое индивидуальное выражение в мире, и конституирует собственно его границы, отражаемые в строгости стилистического единства. Такое философско-антропологическое понимание слова возвращает нас к раннему сочинению Бахтина – «К философии поступка», – ставшему известным спустя несколько десятилетий после смерти автора. Утверждая, что и вся жизнь может рассматриваться как поступок, равно как и каждая мысль «с ее содержанием есть мой индивидуально ответственный поступок» [12, с. 8], слово, всегда нацеленное на ответ и возражение, также вписывается в философскую аналитику поступка, одной из главных особенностей которого является связывание двух миров: индивидуального и реального. Поступок, как отмечает А. А. Гусейнов, анализируя текст Бахтина, – это «человеческий способ бытия. Поступать – значит быть, и по-другому человеку быть невозможно» [13, с. 5]. Разворачивающийся в мире поступок неразрывно связан с его конституированием, что невозможно без Другого или, возвращаясь к философии слова у Бахтина, без возможного отклика.

Конечно, «К философии поступка» – это раннее сочинение Бахтина, которое наравне с другими сочинениями было не известно широкому кругу читателей, что, в свою очередь, в значительной степени отдаляло нас от возможного понимания наследия мыслителя как целого. Но именно в свете этого текста становится ясным философский пафос наследия Бахтина, не сводящегося только к литературоведению, принципиально не возможно такое узкое понимание. Как было сказано вначале, философия Бахтина не является линейным разворачиванием одной мысли философа, плавно перетекающей в другую, позволяющей нам говорить о развитии и определенной эволюции мысли. Философия Бахтина, пони-

маемая как прочтение Достоевского, является тем самым формой особой герменевтики. Одной же из главных особенностей любой герменевтики выступает «герменевтический круг», позволяющий говорить о понимании целого из анализа его частей и понимании частей из целого. Поэтому обращение к раннему тексту Бахтина в условном конце нашего исследования нисколько не противоречит главной его цели – глубже понять философское наследие Бахтина как целое, в основании которого положено философское прочтение творчества Достоевского. Полифоническая структура романов Достоевского, открытая Бахтиным, не ограничивается только его литературоведческими изысканиями, но является отражением механики мысли самого Бахтина, внутренней логики его мышления. Но и сама философия как культурный феномен, разворачивающийся в «большом времени», есть движение и столкновение разнородных идей, объединенных общим философским принципом – познавать бытие в его предельном воплощении.

### Литература

1. *Маслин М. М.* Мирозерцание Достоевского / М. М. Маслин // Маслин М. А. Разноликость и единство русской философии. – СПб. : РХГА, 2017. – С. 195–214.
2. *Гачева А. Г.* Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века / А. Г. Гачева // Достоевский и XX век : в 2 т. / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – Т. 1. – С. 18–96.
3. *Бочаров С. Г.* Книга о Достоевском на пути Бахтина / С. Г. Бочаров // Бахтинский сборник / отв. ред и сост. В. Л. Махлин. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – Вып. 5. – С. 281–314.
4. *Бочаров С. Г.* Достоевский у Бахтина (Бахтин филолог) / С. Г. Бочаров // Достоевский и XX век : в 2 т. / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – Т. 1. – С. 514–527.
5. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин // Собр. соч. – М. : Рус. словари, 2000. – Т. 2. – 799 с.
6. Стенограмма заседания Ученого совета Института мировой литературы им. А. М. Горького. Защита диссертации тов. Бахтиным на тему «Рабле в истории реализма». 15 ноября 1946 г. // Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. – М. : Изд-во Моск. Ун-та, 2009. – 720 с.
7. *Энгельгардт Б. М.* Идеологический роман Достоевского / Б. М. Энгельгардт // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. Долинина. – М. : Мысль, 1924. – Сб. II.
8. *Иванов В.* Достоевский и роман-трагедия / В. Иванов // Собр. соч. – Брюссель, 1987. – Т. IV.
9. *Бахтин М. М.* Слово в романе / М. М. Бахтин // Собр. соч. – М. : Языки слав. культур, 2012. – Т. 3. – 879 с.
10. *Берковский Н. Я.* Бахтин М. М. «Проблемы творчества Достоевского». / Н. Я. Берковский // М. М. Бахтин : pro et contra. – СПб. : РХГИ, 2001. – Т. 1. – С. 185–187.

11. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // М. М. Бахтин : pro et contra. – СПб. : РХГИ, 2001. – Т. 1. – С. 213–243.

12. *Бахтин М. М.* К философии поступка / М. М. Бахтин // Собр. соч. – М. : Рус. словари, 2003. – Т. 1. – 957 с.

13. *Гусейнов А. А.* М. М. Бахтин : Нравственная философия поступка / А. А. Гусейнов // М. М. Бахтин в современном мире : материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посв. 120-летию со дня рождения ученого (Саранск, 25–26 ноября 2015 г.). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. – С. 3–16.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*

*Маковцев В. С., аспирант кафедры истории русской философии*

*E-mail: vl.makovtsev@gmail.com*

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov*

*Makovtsev V. S., Post-graduate Student of the History of Russian Philosophy Department*

*E-mail: vl.makovtsev@gmail.com*